

Е. А. Татаринов

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ БИБЛЕИЗМОВ
В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Библия является одним из выдающихся литературных памятников и книгой «Священного Писания Ветхого и Нового Завета» для миллионов верующих. В ней находит отражение материальная и духовная культура прошлого, становление и смена нравственных ориентиров и общественных систем, далеко отстоящих от нас хронологически и территориально. Через храмовые службы, индивидуальное и групповое («семейное») перечитывание

текстов, через тотальную регламентацию общественного поведения эта книга получила поистине всепроникающий характер воздействия. Отдельные ее фрагменты не раз подвергались художественному освоению, творческой интерпретации в произведениях отечественной и зарубежной литературы и искусства.

Популярность Библии и обращение к библейским текстам активизировали использование в художественных и публицистических текстах библеизмов, т. е. слов и выражений современного русского языка, которые или непосредственно заимствованы из Библии (ад, ангел, Дух Божий, да будет свет, шесть дней творения и др.), или подверглись семантическому воздействию библейских текстов.

Наше исследование посвящено библейским элементам в лирике поэтов Серебряного века – исторически непродолжительного периода на рубеже XIX–XX вв., отмеченного необыкновенным творческим подъемом в области поэзии, гуманитарных наук, живописи, музыки, театра.

Большое количество библейских фразеологизмов встречается во многих языках народов, исповедующих христианство, и могут быть квалифицированы как интернациональные. Например, *волк в овечьей шкуре, колосс на глиняных ногах, запретный плод, нести <свой> крест, альфа и омега* и др.

Достаточно большую группу представляют библеизмы из Ветхого Завета: *око за око, зуб за зуб; камень преткновения; не хлебом единым; притча во языцех* и др.

Многие библейские фразеологизмы в процессе их функционирования в русском языке приобрели новые значения или изменили свою семантику и грамматическую форму. Например, еще в XIX в. одно из значений существительного *злоба* было «забота», что сохранилось во фразеологических единицах *на злобу дня, злоба дня* и могло употребляться во множественном числе. Ср. у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «*моя деятельность почти исключительно посвящена злобам дня*».

Особенности употребления библейских фразеологизмов определялись воздействием разных факторов: как экстралингвистических, так и собственно языковых в их совокупности.

В русский язык библейские фразеологические элементы пришли, главным образом, через старославянский из древнееврейского (ФЕ Ветхого Завета) и греческого (ФЕ Нового Завета), которые функционируют по преимуществу в виде калек.

Среди русских фразеологизмов-библеизмов выделяется также группа, которую условно можно назвать «добиблейскими» фразеологическими оборотами: *соль земли, камни вопиют, корень зла* и под. Эти единицы уже в Библии употреблялись как метафорические обобщенно-образные обороты. К этой группе примыкают многочисленные собственно библейские

метафорические обороты, использованные в притчах и проповедях Иисуса Христа, пророков, евангелистов, например, пословица о верблюде, которому легче пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в рай, – из притчи о богатом юноше; или пословица о сучке в глазу у брата и бревне в собственном глазу – из Нагорной проповеди и т. п.

В группе «постбиблейских» фразеологизмов можно выделить две подгруппы:

а) образованные в результате метафоризации свободных словосочетаний (*избиение младенцев, бросить камень в кого-л., земля обетованная, нести свой крест* и др.);

б) выражения, которые вообще не встречаются в Библии (ни в прямом, ни в переносном значении), а образовались уже в русском (или каком-либо ином) языке на основе библейских сюжетов: *Мафусаилов век жить-прожить; до положения риз напиток; фиговый листок* и др.

Многие фразеологизмы в процессе их функционирования в русском языке изменили свою семантику, приобретя ироническую окраску: *в костюме Адама; злачное место; избиение младенцев; явление Христа народу* и др.

Среди фразеологизмов, восходящих к Библии, разных по значению и структуре, можно выделить две группы, различные в функционально-стилистическом отношении, – обиходные, стилистически нейтральные и книжные, архаичные.

В первую группу входят обороты, не имеющие в своем составе ничего «несовременного» и «нерусского»: корень зла, соль земли, преклонить голову и др. Вторая группа состоит из фразеологизмов, в которых содержатся устаревшие слова/формы, библейские имена собственные: Иов многострадальный, кесарево кесарю, глас вопиющего в пустыне и др.

В. Г. Гак [2], рассматривая соотношение между фразеологизмами и текстом Библии, выделяет несколько оппозиций:

1. Цитатные (контекстуальные) и ситуативные. В первом случае – это элементы библейских текстов (например, выражение «камень преткновения»), во втором – репрезентации определенных ситуаций, описанных в Библии, но не названных в ее тексте (например, выражение «Ноев ковчег», резюмирующее ситуацию, описанную в шестой и седьмой главах Бытия).

2. Первичные и вторичные библейские фразеологизмы. Первичные непосредственно отражают тексты Священного писания или ситуации, описанные в нем; вторичные лишь отдаленно связываются с текстом Библии.

3. Непосредственные и опосредованные: первые восходят непосредственно к Библии, на вторых лежит печать заимствования из других языков или чье-либо авторства.

4. С прямым значением и с переносным.

Богатый и выразительный язык Библии, яркие образы, глубина мысли – характерные особенности, которые не могли не найти отражения в творчестве художников слова. Библейские образы, слова и выражения использовались многими поэтами Серебряного века. При этом включение библеизмов в поэтический текст, как правило, сопряжено с их структурными или семантическими преобразованиями. Часто библейские притчи используются как аллюзии или реминисценции.

Так, Н. С. Гумилев, который обращался к Книге книг на протяжении всего своего творческого пути, вносит существенные изменения в библейские фразеологизмы. В стихотворении «Заводи» (книга «Жемчуга», 1910) находим:

*Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихие заводи
Синими и благоуханными.*

Известно библейское выражение **обетованная земля** (Исход, 3: 8–17). **Обетованной**, т. е. **обещанной**, земля эта названа в Послании апостола Павла к евреям (11: 9). Употребляется в значении: **место, где царит довольство и счастье; вообще что-либо желанное, что представляется высшим счастьем**. Поэт заменил слово **земля** на **поля**, что существенно изменило значение выражения: оно употребляется для создания пейзажной зарисовки и придания описанию природы умиротворенности в закатный час.

В стихотворении «Вечер» вместо слова **земля** поэт употребил слово **край**:

*И ты казалась мне желанной,
Как небывалая страна,
Какой-то край обетованный
Восторгов, песен и вина.*

Такая замена позволила придать выражению совсем иной смысл: любимая женщина для лирического героя – **высшее, желанное счастье**.

Концептуальное расширение границ библеизмов было свойственно А. А. Блоку:

*Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу! (Россия)*

Включение в границы фразеологизма качественного определительного наречия **бережно** приводит к возникновению нового, символического смысла – страдания, определенные лирическому герою судьбой, неизбежны, и нужно «бережно» сносить уготованное судьбой.

К **цитатным** относится и фразеологизм **терновый венец** – страдания, тяжелый мучительный путь. Возникло выражение из евангельского рассказа о колючем терновом венце, надетом воинами на голову Иисуса Христа перед казнью на кресте. **«И, сплели венец из терна, возложили**

ему на голову» (Мф., 27: 29); «**И одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него**» (Марк, 15: 17). Это выражение с теми или иными изменениями находим в стихотворениях разных авторов:

*И помни: от века из терний
Поэта заветный венок* (В. Брюсов)

*О том, что тернием повита
Святая правда наших дней,
О том, что светлое разбито
Напором бешеных страстей* (К. Фофанов)

Часто данное выражение преобразуется настолько, что сохраняет лишь семантическую связь с исходным фразеологизмом, т. е. является аллюзией:

Терны венчают смиренных и мудрых (А. Блок);

Туго согнутой веткой терновой

Мой венец на тебе заблестит.

Ничего, что росой багровою

Он изнеженный лоб освежит (А. Ахматова)

Обыгрывание фразеологизма приводит к появлению новых символических значений, символизируя страдания не Бога, а земных людей.

Рассматривая группу **ситуативных** фразеологизмов, следует отметить, что они отражают определенную библейскую ситуацию. Так, выражение **труба архангела** обозначает грозное предзнаменование. По евангельскому сказанию, трубы ангелов должны были возвещать великие бедствия людям перед Страшным судом (Откр. 8: 2–12). Этот образ часто используется поэтами Серебряного века:

*Не раз в бездонность рушились миры, Не раз труба архангела
трубила... (Н. Гумилев); В моей душе все было смутно, Хотел я
крикнуть, – и не мог... Но вдруг повеял ветер попутный, И кормщик
затрубил в свой рог (В. Брюсов); Лучи метнулись заревые И трубный
ангел в высоте (А. Блок); Близок вой похоронных труб, Смертен вздох
охлажденных губ (А. Блок).*

В приведенных примерах на выражениях лежит печать творчества авторов, и с точки зрения соотнесенности с исходной формой они различны. В некоторых сохранился компонентный состав, в других – только основное значение «грозное предзнаменование», подтвержденное контекстом (**похоронные трубы**). В словосочетании **трубный ангел** контаминируются два выражения: **трубный глас** и **трубный ангел** (архангел). Но несомненно то, что все эти выражения являются отголоском библейского выражения, иногда как аллюзии и реминисценции.

Интересны для исследования также библеизмы **словного** характера, так называемая сакральная лексика. Своеобразие употребления церковной лексики в текстах поэтов Серебряного века связано с тем приращением смысла, которое происходит в контексте стихотворений. В пласт сакральной лексики включается несколько разрядов:

- 1) ангелы и их виды;
- 2) отвлеченная лексика;
- 3) церковные помещения и принадлежности;
- 4) библейские имена;
- 5) церковные праздники.

Рассмотрим первый из них: ангелы и их разновидности. *Ангел* (Бытие 16 7–14). Это слово в переводе с греческого и еврейского языка означает «вестник». Слово *ангел* часто применяется и к людям (Лука 7:24; 9:52).

В словаре С. И. Ожегова дается несколько толкований этого слова:

1. В религии: служитель Бога, исполнитель его воли и его посланец к людям.

2. О человеке как воплощении красоты, доброты.

3. Обычно в сочетании с мест. *мой, наш* – ласковое обращение [3, 24].

Рассмотрев первый из них, мы обнаружили, что в большинстве случаев слово «ангел» употребляется в его прямом значении – «бестелесное существо, служитель Бога, исполнитель его воли, посланец Бога к людям»:

*Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.* (А. Ахматова)

Но может быть использовано и как ласковое обращение к мужчине или женщине: *Ангел мой, барышня, Что же ты смеешься... (А. Блок); Я знаю, ты моя награда За годы боли и труда... За то, что я не говорила Возлюбленному: «Ты любим». За то, что всем я все простила, Ты будешь ангелом моим (А. Ахматова)*. В приведенных примерах слово является ласковым обращением, что подтверждается употреблением в словосочетаниях местоимения «мой».

Но ангел, исполнитель божьей воли, не всегда благоприятствует человеку, в контекстуальном сцеплении он может стать и карающей силой: Ангел, гневно брови изламывающий, Два луча – два меча скрестил в вышине (А. Блок); И стонет Лаванова младшая дочь, Терзая пушистые косы, Сестру проклинает, и Бога хулит, И ангелу смерти явиться велит (А. Ахматова).

Для характеристики ангелов в текстах употребляются эпитеты, которые позволяют определить их роль в судьбе человека: с одной стороны, ангелы – носители доброго божественного начала, и тогда это *ангел розовый, светлый ангел, чистый ангел, тихий ангел*, ср.: Тихий ангел встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну (Ф. Сологуб); Ангел розовый укажет... (А. Блок); с другой – злого, дьявольского: *темнолицый ангел, могильный, падающий, распростертый ниц* и др.: *Ангелы, ниц преклоненные, Поют тропарь (В. Брюсов)*.

Ангелы могут быть наделены и властью над природными стихиями: *ангел бури, бурный ангел* и др. Ср. у А. Блока: *Ангел поднял в высоту Звезду зеленую одну* (А. Блок. Свирель запела на мосту).

Кроме лексемы *ангел* поэты употребляют и другие обозначения «вестников» с уточнением их «чинов»: *Стал высоко белый месяц на ущербе, И за всех, чья жизнь невозвратима, Плыли жаркие слезы по вербе На румяные щеки херувима* (И. Анненский); *Был блаженной моей колыбелью Темный город у грозной реки И торжественной брачной постелью, Над которой держали венки Молодые твои серафимы...* (А. Ахматова); *Ведь ко мне архангел божий за душой его придет* (А. Ахматова); *Не раз в бездонность рушились миры, Не раз труба архангела трубила* (Н. Гумилев).

Ангелы могут выступать не только как единичная сущность, но и как множественность: *ангелы слетели, ангелы рати, будут ангелы вздыхать*. То же значение отмечается у С. Есенина: *Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, Дайте родину мою»* (С. Есенин).

Очень частотны в поэзии Серебряного века такие сакральные лексемы, как *душа, крест, дух, храм*, а также библейские имена собственные: *Магдалина, Мария, Иуда, Иисус Христос* и др.

В целом же включение в текст библеизмов в их оригинальном или измененном виде позволяет создавать высокохудожественные произведения, исполненные глубокого философского смысла.

Литература

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – Mikkeli, 1993.
2. Гак, В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2005. – 944 с.